

ИСТОРИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

МЕЖДУ ДВУМЯ
МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ К НЕЗАВИСИМОСТИ

ГЕОРГ ФОН РАУХ

Георг фон Раух История Прибалтийских государств между двумя мировыми войнами. Движение по пути к независимости

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72973297

История Прибалтийских государств между двумя мировыми войнами.

Движение по пути к независимости / Раух Георг фон, Пер. с нем. С.Ю.

Чурова: Центрполиграф; Москва; 2026

ISBN 978-5-9524-6565-7

Аннотация

Известный немецкий ученый Георг фон Раух, специалист по истории России и стран Балтии, на основании обширного фактического материала рассматривает период существования независимых Прибалтийских государств между двумя мировыми войнами. Наряду с историей народов Балтии, ученый уделил особое внимание живущим на этих территориях прибалтийским немцам. Автор исследует все стороны экономической, политической и культурной жизни Эстонии, Латвии и Литвы и позволяет взглянуть на происходившие события глазами их жителей.

В конце книги представлен список президентов и премьер-министров Прибалтийских государств.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Введение	16
Закулисная сторона исторических событий	16
Пробуждение национального сознания	26
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Георг фон Раух
История Прибалтийских
государств между
двумя мировыми
войнами. Движение по
пути к независимости

Моей жене посвящается

GEORG VON RAUCH

DIE GESCHICHTE BALTISCHEN DER STAATEN

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2026

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2026

Предисловие

Тот, кто просто, но с восторгом и одновременно с грустью рассматривает прошлое, тот сможет проникнуть в таинства свободы и с истинным уважением отнестись к перспективам будущего, не лишая при этом читателя его надежд.

Голо Манн

Историю самостоятельных Прибалтийских государств в истинном смысле этого понятия мы рассмотрим лишь в коротком временном отрезке между двумя мировыми войнами, когда народы Эстонии, Литвы и Латвии впервые смогли добиться независимости. При этом ее возникновение и исчезновение теснейшим образом связано с событиями большой мировой политики, без учета которых осознать произошедшее невозможно.

Сам же прибалтийский вопрос, как в 1917–1919, так и в 1939–1940 годах, является специфическим аспектом поворотного пункта всемирной истории, связанным с возникновением нового положения в мире в результате исчезновения германского орденового государства в 1558–1561 годах, а также потери шведского владычества над Балтийским морем в 1710–1721 годах. В то же время история Прибалтийских государств во временном промежутке между 1917 и 1940 годами имеет свою отличительную особенность.

Однако следует заметить, что в известных кратких изложениях основных исторических событий судьба государств Прибалтики рассматривается лишь поверхностно. При этом историки из числа прибалтийских народов стремятся ограничиться тем, что происходило в их странах в древней и ранней истории, с отображением этого в современном мире. Однако при всем этом присущая данным трудам национально-историческая ограниченность сужает перспективы, а история прибалтийских народов зачастую предстает в работах этих авторов как составленное на основании некоего исторического озарения и пробуждения национального духа.

Также необходимо подчеркнуть, что приписка подобного подхода к истории одним лишь представителям больших народов является ошибкой. Ведь от них не требуется критических размышлений и принятия мер по представлению информации как объективной. Их подход к истории является естественным детищем времен национализма, и акценты в нем расставляет только настоящее, которое не без основания ставит национальный субъективизм под сомнение.

В то же время стала явно просматриваться новая опасность, заключающаяся в идеологической абсолютизации. Ведь при всей имеющейся научной добросовестности прибалтийских ученых их национально-историческая ограниченность неизбежно приводит к игнорированию связей между небольшими этнографическими границами, а через это — к искажению отображения всех процессов в Прибалтике.

Как бы то ни было, общебалтийская точка зрения находит отражение в публикациях западных политиков и публицистов времен, приходящихся на исторический отрезок между двумя мировыми войнами. Их притязания, с которыми они обращаются к читателю со страниц популярных среди путешественников брошюр для чтения, служат созданию у западного читателя поверхностного взгляда на события и созданию у него представления о том, что прибалтийские земли превратились в заградительный вал от угроз со стороны Советской России. При этом упор делается на экономические достижения Прибалтийских государств при превознесении определенных исторических событий и выдержек из фольклора.

Сегодня история существования независимых Прибалтийских стран рассматривается уже без оглядки на прошлое. Поэтому историки не должны отходить от задачи по ее детальному изучению, осмыслению и оценке.

Итак, дистанция определена, а необходимые документы находятся в наличии, хотя в этом вопросе есть и определенные пробелы. Тем не менее ссылаться на трудности не стоит. В то же время поначалу попытка расширить установленные древней историей рамки в южном направлении, то есть связать историю Эстонии и Латвии с историей Литвы, может показаться необычной. К тому же нельзя не учитывать и то обстоятельство, что, несмотря на языковое и племенное родство литовцев и латышей, между ними имеются и суще-

ственные отличия. Поэтому первая глава данного труда и посвящена различиям исторического фона.

При этом, однако, нельзя недооценивать то обстоятельство, что глубокие потрясения 1917–1919 годов по разным причинам не привели литовцев к воссоединению с возрожденным Польским государством, а, наоборот, заставили их обратить свой взор на латышей и эстонцев. В результате за двадцать лет их самостоятельного существования сформировалась новая судьбоносная общность, которая стала проявляться все более убедительно, определяя как их настоящее, так и будущее.

А ведь до распада Российской империи тесных объединяющих уз, которые связывали бы три возникших на ее обломках Прибалтийских государства, не существовало. Общим у трех прибалтийских народов являлся лишь факт их вхождения в состав многонациональной Российской империи и подчиненное положение в отношении царской короны и администрации русской центральной и провинциальной власти.

Однако национальное пробуждение всех этих трех народов носило некоторые общие черты уже во второй половине XIX века. Принесенные же Первой мировой войной беды создали общие проблемы, а немецкая оккупация позволила административно объединить литовские и латышские земли. При этом их исключение из состава Российской империи с одновременной активизацией, хотя и во многом разрозненной, борьбы, направленной на достижение независи-

мости своих национальных государств, привело к приобретению опыта совместных действий, который за двадцать лет последовавшей затем независимости заметно обогатился. В конечном же итоге в организационном и институциональном плане это вылилось в появлении так называемой «прибалтийской Антанты». Именно совместное принятие властных решений и привело к вовлечению всех трех малых государств в большую политику, что привело к тому, что они стали жертвами соперничества двух тоталитарных систем во время Второй мировой войны.

В отличие от соседней Финляндии, которая смогла сохранить свой суверенитет, окончание Второй мировой войны не принесло Прибалтийским государствам восстановления их независимости. Поэтому не вызывает сомнения тот факт, что именно такая участь, уготованная им судьбой в ходе совместно пережитой трагедии, придает дополнительный вес аргументам в пользу исследования событий между 1917 и 1940 годами при недопущении смещения пропорций и искажения исторических особенностей.

При таких условиях подход в исследовании, сводящийся к простому связыванию воедино истории трех народов и государств, мог показаться ученым весьма удобным, можно сказать, даже дающим особые возможности. К тому же синхронизированное и взаимосвязанное отображение событий предоставляло преимущество сравнительному анализу, при помощи которого можно четко различать сходные и отлича-

ющиеся друг от друга моменты.

Не лишена привлекательности и возможность отображения аграрных реформ, решения проблем национальных меньшинств, отношений с Советским Союзом, роста авторитарных тенденций и, наконец, столкновения интересов силовой политики великих держав перед утерей независимости не отдельно для каждой страны, а в виде общей концепции.

Конечно, предлагаемая история Прибалтийских государств может содержать некоторые пробелы, которые читателю, возможно, не понравятся. К тому же в некоторых оценках и даже в подходе к подборке исходного материала не исключено наличие разных взглядов, отражающих точку зрения той или иной национальности. Кроме того, не следует исключать и возникновение вопроса о том, что, возможно, было бы лучше отдать предпочтение коллективному труду, в который могли бы внести свой вклад историки той или иной страны, представляя интересы того или иного народа. Ведь сборник такого рода, безусловно, исключал бы возникновение вышеназванного разночтения.

Кроме того, может также возникнуть вопрос: а будет ли всеобъемлющее изложение истории, подобное представленному здесь, соответствовать имеющемуся национальному пониманию? При этом возможно распространение мнения о том, что отстраненные суждения иностранцами были бы восприняты гораздо легче. Однако значительная дистанция отнюдь не означает необходимость сокрытия самых досто-

верных доказательств или преодоления разного рода пред-
рассудков.

К тому же для прибалтийских немцев идея преимущества объединения земель, несомненно, имеет определенный вес. Однако это объединение из-за языковых различий всегда будет лишь частичным. Например, помимо Эстонии и Латвии в него редко включают Литву. Отсюда напрашивается вывод о том, что каждая точка зрения имеет свои ограничения даже при стремлении исследователя охватить все категории и максимально исключить субъективные моменты.

Промежуток времени, отделяющий нас сегодня от событий 20-х и 30-х годов, может оказаться тем самым отстойником, в котором осядут шлаки поспешных, обусловленных сиюминутными требованиями или состоянием аффекта оценок, что будет способствовать, если такое возможно, истинному познанию.

Следует отметить, что автор сознательно пошел на расстановку особых акцентов в подаче материала. Наряду с историей Прибалтийских государств и их государствообразующих народов он уделил несколько больше внимания, чем это обычно принято в исследованиях истории отдельных народов, проживавшим на этих землях прибалтийским немцам, что было обусловлено тем, что до 1917 года они имели более значительный исторический вес по сравнению с остальными этническими группами. Необходимая же концентрация внимания на межвоенном периоде была достигнута изложением

крупными штрихами исторического фона во введении.

В первой же главе, напротив, было необходимо более подробно изложить непосредственную предысторию государственного суверенитета, хотя именно в этом отношении уже имеется достаточно много сведений и трудов как в плане усилий народов Прибалтики по формированию своего политического устройства, так и в отношении участия великих держав в военных и политических столкновениях.

В изложении периода после заключения мира я опирался на свои предварительные работы. Кроме того, мне удалось ознакомиться с рядом последних важных специализированных трудов, которые уже открыли новые горизонты в плане охвата всех трех стран. Среди них мне особо хочется выделить работы Е. Андерсона, У. Германиса, Ю. фон Гена, М. Хельмана, Б. Мейснера, А. Мэги, А. Римши, Стюарта Р. Шрама, А.Э. Сенна, А.Н. Тарулиса, А. фон Таубе, Г. Уусталы и В. Вахтсмута.

Несколько слов следует сказать также об использовании названий населенных пунктов. Автор видит в их языковом различии определенный исторический феномен, не лишенный политического значения, но выпадающий из области политической полемики и указывающий на языковые связи. Так, город Ревель, называемый, как часто можно прочесть, с 1917–1918 годов Таллином, всегда звучал на эстонском языке как Реваль. На немецком языке его называли и называют именно так, как на русском языке, – Ревель.

Конечно, при данном подходе определенная трудность возникает с многоязычными обозначениями, располагающимися за пределами собственной исторической области действия языка. Поэтому в данном случае мы посчитали целесообразным придерживаться той языковой формы, какая была принята в соответствующей эпохе. Например, вместо финского названия Хельсинки было использовано практиковавшееся до 1917 года в немецком языке название Гельсингфорс. Однако в разделах, относящихся к временному периоду после 1917 года, нам показалось целесообразным употреблять уже название Хельсинки.

Исходя из подобных принципиальных соображений мы старались избегать использования и более распространенных, но уже вышедших из употребления германизированных или архаических названий. Например, вместо Нарова нами было применено название Нарва, вместо Ковно – Кауэн и так далее. Санкт-Петербург стал Петроградом в 1914 году, а в 1924 году стал называться Ленинград. При этом до 1 февраля 1918 года даты приводятся по действовавшему в то время в России юлианскому, а затем по григорианскому календарю.

Введение

Закулисная сторона исторических событий

Народы Прибалтики говорят на разных языках, поскольку эстонцы, латыши и литовцы принадлежат к различным этнографическим общностям с отличающейся друг от друга историей языкового развития. Понятие же «прибалтийские языки» включает в себя наречия, на которых говорили племена древних пруссов, литовцев и латышей.

В доисторические времена эти племена образовали определенную этнографическую общность, которая еще раньше выделилась из балто-славянской группы. В более позднее время они стали все более заметно отдаляться от германцев с одной и славян с другой стороны. При этом разница между прибалтийскими языками и племенами становилась все отчетливее.

С конца XII века древние пруссы, литовцы и латыши одни за другими начали вступать в конфронтацию с немецкими миссионерскими устремлениями и с так называемым «движением заселения» в рамках германской колонизации восточных территорий, нашедшей отражение в политике го-

сударства Тевтонского ордена. При этом племена пруссов со временем были постепенно германизированы, и только некоторой их части удалось переселиться на территории, в которых проживали литовцы. А вот литовцы и латыши свою национальную идентичность сохранили.

В отличие от них эстонцы вместе с прибалтийско-финскими племенами – собственно финнами, карелами, ингерманландцами, водями и ливами – говорили на языках, принадлежащих к финно-угорской языковой группе, к которой в более широком смысле относятся и наречия примитивных финских племен, оставшихся в северной части России, а также рано отделившихся от них венгров.

Волны немецкого миссионерского и колонизаторского движения, прокатившиеся по Прибалтике, достигли сначала земель латышей и ассимилированных ими позднее ливов, а затем также эстонцев, где интересы германских колонизаторов в XIII столетии столкнулись с аналогичными устремлениями датчан. Причем последние владели эстонскими землями уже более века. Финляндия же, находясь по другую сторону Финского залива, оказалась втянутой в шведскую политику экспансии на восток, что серьезно затронуло экспансионистскую политику России в Прибалтике и ослабило там ее влияние, достигнутое в XI и XII веках.

При этом латыши и эстонцы, будучи втянутыми в эти процессы еще до того, как они начали строить свою собственную политическую жизнь, гармонично вписались в западное

христианство. В результате в рамках политического порядка, установленного высшими иерархами западного христианского мира – императором и папой, их этническая сущность смогла сохраниться. Более того, являясь частью средневековой социальной системы, латыши и эстонцы были не только пассивными инструментами, но и проводниками экономической жизни, а также оплотом в деле защиты своих территорий от внешней угрозы, а следовательно, косвенно и государственного строя.

С 1346 года ливонское орденовое государство включало в себя практически всю территорию проживания прибалтийских народов, точнее, эстонцев и латышей. Их историческое единство распалось только после падения этого государства в XVI веке. При этом северная часть территории данного государства – сначала Эстония, а затем и Ливония (Лифляндия) – превратилась в провинции шведского *dominium maris baltici* («господства на Балтийском море»), а южная ее часть – Курляндия, а потом и Лифляндия – в различных формах была включена в состав ягеллонской империи польско-литовского союза.

В ходе Северной войны благодаря усилиям Петра Великого Россия вышла к Балтийскому морю и получила в 1721 году Эстонию и Лифляндию в качестве автономных провинций по Ништадтскому мирному договору¹. Это было приоб-

¹ Ништадтский мирный договор между Русским царством и Шведским королевством, завершивший Северную войну 1700–1721 гг., был подписан 30 августа

ретение, облегчившее Российской империи вхождение в сообщество европейских государств. После же последнего раздела Польши в 1795 году к России отошла и Курляндия, то есть самая южная провинция, которая воссоединилась с родственными провинциями уже под властью российской короны. Таким образом, прежнее историческое единство было восстановлено.

Вместе с тем административные границы трех остзейских провинций – Эстонии, Лифляндии и Курляндии – этнографическим данностям не соответствовали. Так, в северной части Лифляндии, являвшейся основной провинцией, проживали эстонцы, а в ее южной половине – латыши. Поэтому до 1917–1918 годов эстонцы и латыши не могли создать собственную государственность. Возможность образования

(10 сентября) 1721 г. в городе Ништадт (сейчас финский город Уусикаупunki) и состоял из преамбулы и 24 статей. Договор изменил русско-шведскую границу, определенную ранее Столбовским мирным договором 1617 г., и закрепил выход России к Балтийскому морю: Швеция признала присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии (так называемой Старой Финляндии) и других территорий. При этом Россия обязалась возвратить Финляндию и уплатить Швеции денежную компенсацию за Лифляндию и Эстляндию с островами Эзель и Даго. Вот и получается, что Петр I купил прибалтийцев со всеми землями, недвижимостью и даже домашними животными у шведской королевы Ульрики Элеоноры за 2 млн ефимков (1,3 млн рублей), что по нынешнему курсу без набежавших процентов составляет более 350 млрд долларов. И не только купил, но и дал прибалтийцам свободу, ведь договор предусматривал обмен пленными, амнистию «преступникам и перебежчикам» (кроме сторонников Ивана Мазепы) и подтверждал все привилегии, предоставленные ранее шведским правительством прибалтийскому дворянству, – оно сохранило свое самоуправление, сословные органы и т. д.

на территории эстонской, лифляндской и курляндской провинций двух северных Прибалтийских государств – Эстонии и Латвии – появилась только после крушения царской России в результате революции 1917 года.

Зато литовский народ опирался на собственную государственность, возникшую еще в Средние века, когда в конце XIII столетия князя из династии Гедиминовичей объединили разрозненные племена и на территории их проживания возникло государство, ставшее наиболее опасным противником Тевтонского ордена, с которым оно вступило в противоборство как на западе, в Пруссии, так и на севере, в Лифляндии.

При этом попытки Тевтонского ордена захватить литовскую территорию и создать в результате этого перемычку между обеими ветвями германского орденового государства успехом не увенчались. Зато Литве удалось отодвинуть свои границы в восточном и южном направлении. Ведь после упадка Киевской Руси, произошедшего в том числе и под влиянием татаро-монгольского нашествия, в ней произошел процесс дезинтеграции, который привел к присоединению западных и юго-западных русских земель к Литве.

Вместе с тем в результате свадьбы 1386 года в Кракове²

² Имеется в виду свадьба великого князя Литовского Владислава (Ягайло) Ягеллона и королевы Польши Ядвиги I Анжу-Сицилийской, состоявшаяся 18 февраля 1386 г. Свадьба была частью Кривской унии – соглашения о политическом объединении Польского королевства и Великого княжества Литовского, заключенного 14 августа 1385 г. в Кривском замке (современный агрогородок

возникла личная уния между Литвой и Польшей, которая в XVI веке переросла в реальную унию³, что привело к возникновению одного из крупнейших в территориальном отношении государств тогдашней Европы, простиравшегося от Балтийского до почти Черного моря.

Однако при этом высшие круги литовского общества в государстве Ягеллонов от участия в процессе полонизации, носившем в целом прогрессивный характер, оказались отодвинутыми, что было обусловлено различиями в восточном и западном мировоззрении и диктатом старой социальной структуры в Польше. Поэтому, когда Литва и обширные польские территории в результате политических разделов XVIII века были Россией аннексированы, осознание былого исторического величия и самостоятельности у литовского народа исчезло почти так же, как прежнее стремление к созданию собственного письменного языка.

Таким образом, иная, отличавшаяся от литовской, политическая отправная точка в развитии Эстонии и Латвии привела к различиям между ними и в духовно-историческом устройстве. Ведь лифляндскому орденскому государ-

Крево в Гродненской области Республики Беларусь). По условиям унии Ягайло становился королем Польши, одновременно сохраняя за собой титул и права великого князя Литвы и наследственного владельца («дедича») русских земель Великого княжества Литовского.

³ Подразумевается Люблинская уния 1569 г., в результате которой возникла Речь Посполитая.

ству, являвшемуся воплощением политической воли духовно-рыцарского ордена Римскокатолической церкви, противостояли в XIII веке язычники-литовцы, христианизация которых произошла только после принятия христианства соседними народами.

Позднее, уже в рамках государства Ягеллонов, литовцы остались верны старой церкви – среди них реформаторские тенденции, которые временами в Европе проявлялись очень сильно, одержать верх так и не смогли. Зато, в отличие от Литвы, старая Лифляндия Реформацией была охвачена очень быстро и полностью. Здесь, за исключением Латгалии⁴, контрреформаторские усилия отмечались лишь эпизодически при кратком польском правлении. Причем данное противостояние между протестантами и католиками, весьма влияющее на общественную и культурную жизнь людей, остается определяющим и до настоящего времени.

Такие явные различия у двух исторических пространств неизбежно вытекают из сравнения их исторического развития начиная с XIII столетия. Причем сказанное актуально и для XX века. Поэтому замалчивать имеющиеся контакты и связи не следует.

Распад орденского государства предопределил в первую очередь образовавшиеся политические связи за пределами

⁴ Латгалия – одна из историко-культурных областей Латвии, расположенная на востоке страны к северо-востоку от реки Даугавы и юго-востоку от рек Айвиексте и Педедзе.

Курляндии и Литвы. Лифляндия тоже, а после некоторого колебания и Рига, подчинилась польской короне. Эту новую провинцию она, исходя из территориальных соображений, присоединила к литовской части унии.

Когда через шестьдесят – семьдесят лет шведский король Густав II Адольф захватил Лифляндию, отдаленная ее часть – Латгалия или так называемая «польская Лифляндия» – осталась в составе Речи Посполитой, куда она входила вплоть до разделов Польши. В результате Латгалия приобрела особую специфику, которую не удалось преодолеть даже в рамках Латвийской Республики.

Курляндия же стала польским ленным герцогством во главе с немецкой династией Кетлеров. При этом протяженная общая граница с Литвой устраивала как поляков, так и герцогов. Причем курляндские дворяне получали поместья также и в Литве, а на самой границе наблюдалось бурное оживление, что способствовало образованию многочисленных связей между широкими слоями населения. Таким образом, просматривается тот факт, что, несмотря на различные национальные особенности, между социальными слоями Курляндии и Литвы имелось много общего, а их польско-русским правящим классам соответствовали германо-балтийские в Эстонии, Лифляндии и Курляндии.

Кроме того, между латышами и литовцами проявляется и этнографическое, а также языковое родство. И хотя непосредственное лингвистическое взаимопонимание между ни-

ми, как у скандинавских народов, невозможно, по сравнению с другими, в том числе славянскими языковыми группами, оно было и остается более легким. В отличие от этого языковые и культурные связи между финнами и эстонцами всегда являлись фактором, обеспечивавшим их общие интересы на берегах Финского залива.

Заметная политическая общность Северной Прибалтики и Литвы отчетливо проявилась в XX веке. Прошедшие две мировых войны показали, что существование независимых Прибалтийских государств в первую очередь зависело от двух великих держав – Германии и России. Конечно, в образовании, а затем и косвенно в гибели трех Прибалтийских стран определенную роль сыграли также западные державы, с одной стороны, и Польша – с другой. Но эта роль меркнет на фоне решающего значения проводившейся политики Германией и Россией, противостояние или согласие между которыми имело поистине судьбоносное значение.

Потеря независимости всех трех Прибалтийских государств во время Второй мировой войны прочно закрепила в сознании пострадавших народов, а также во внешнем мире их взаимосвязь. Эта общность проявилась в судьбе населения Прибалтики в границах трех советских республик, насчитывавшего более 6 миллионов человек, хотя всеобъемлющее их административное объединение и не предусматривалось. Это проявилось и в чаяниях находившихся в эмиграции прибалтийцев, рассеянных по всем частям света и по

всему миру.

Пробуждение национального сознания

Путь народов Прибалтики к самостоятельному существованию прошел через несколько этапов их общественного развития, нашедших свое отражение в общеевропейской истории социального и интеллектуального развития. При этом первый толчок к постепенному достижению их аграрно-экономической независимости дали идеи Просвещения конца XVIII века, которые нашли конкретное воплощение в трудах некоторых немецких священников и публицистов, носивших порой весьма радикальный характер. Причем достижению этой независимости в прибалтийских губерниях способствовало в первую очередь введение некоторыми прогрессивными помещиками частного крестьянского права в рамках своих имений, что привело затем к отмене крепостного права в Эстонии (в 1816 году), Лифляндии (в 1819 году) и Курляндии (в 1817 году). Однако отмена крепостного права дала эстонским и латвийским крестьянам только личную свободу без каких-либо экономических гарантий.

Следующий этап на пути достижения национальной независимости был достигнут благодаря аграрным реформам прибалтийских рыцарей, являвшихся публично-правовыми носителями самоуправления в 40–60-х годах XIX в. Именно они в лице председателя Законодательного собрания Ли-

фляндской губернии Вильгельма Гамилькара фон Фелькер-зама выступили с инициативой проведения земельной реформы, заменившей барщину на денежную арендную плату и отменившей целый ряд крестьянских тягот. В результате крестьянское землевладение окрепло и стало медленно, но неуклонно расширяться. Поэтому к моменту основания Эстонской и Латвийской республик крестьянские земли составляли в них уже 57,4 процента всех сельскохозяйственных угодий.

Данный второй этап аграрных реформ в Прибалтике и открыл путь к духовной эмансипации. При этом в его основе лежала самоотверженная работа по преумножению латышских и эстонских народных имений, проводившаяся в продолжение традиций XVII и XVIII веков прибалтийскими немецкими священниками, вдохновленными призывом И.Г. Гердера (1744–1803), служившего одно время пасторским адъютантом в Риге. К ним следует отнести также выдающегося исследователя латышского языка курляндского пастора Августа Биленштейна (1826–1907), превратившего основанное в 1824 году Латышское литературное общество в центр латышской культурной жизни. В едином строю с ними стояли и латышский журналист Кришьянис Барон (1835–1923), создавший полное собрание латышских народных песен, а также латышский педагог Атис Кронвалдс (1837–1875), внесший неоценимый вклад в развитие национальной системы образования

В Эстонии названному выше латышскому обществу соответствовало основанное в 1838 году в Дорпате⁵ «Ученое эстонское общество», обязанное своим взлетом получившему немецкое образование эстонскому врачу Фридриху Роберту Фельману (1798–1850). При этом его друг Фридрих Рейнгольд Крейцвальд (1803–1882), работавший городским врачом в Верро⁶, собрал в одно целое эстонские народные сказания, художественно их обработал, придал им стихотворную форму и издал эстонский национальный эпос «Калевипоэг» («Сын Калева»), относивший читателя к далеким временам до немецкой колонизации и придавший заметный импульс национальному движению, продолжавшемуся до Освободительной войны⁷ XX века.

В движении национального возрождения эстонцев и латышей, все активнее набиравшего силу с 50-х годов XIX столе-

⁵ Дорпат – ныне эстонский город Тарту, имевший в ЮЗО–1224, 1558–1582, 1656–1661 и 1893–1919 гг. название Юрьев, а в остальные годы между 1224 и 1893 гг. – Дорпат или Дерпт.

⁶ Верро – название эстонского города Выру до 1917 г.

⁷ Эстонская освободительная война – военные действия в период с 28 ноября 1918 г. по 3 января 1920 г., в которых Вооруженные силы Эстонии (при участии Северного корпуса, а впоследствии Северо-Западной армии белых) противостояли Красной армии, а также вели боевые действия на территории современной Латвии в июне – июле 1919 г., в которых эстонская армия, включавшая сформированную из латышей Северолатвийскую бригаду, противостояла подразделениям Прибалтийского ландесвера и отрядам Прибалтийского фрайкора. В советской историографии события Эстонской освободительной войны рассматривались в рамках тематики Гражданской войны и иностранной военной интервенции в России.

тия, произошло осознание себя народами, имеющими право на выдвижение требований о своем самоопределении. Конечно, определенный социальный подъем наблюдался уже во времена Реформации, ведь священнослужители из числа эстонцев и латышей были уже в XVI веке. Однако этот подъем почти всегда был связан с германизацией, и немецкий правящий класс к нему сознательно отнюдь не стремился, но, обладая определенным прагматизмом, видел в нем некоторую само собой разумеющуюся данность.

В то же время самостоятельное национальное развитие, а также превращение эстонского и латышского языков в полноценные со своей письменностью и культурой казались большинству представителей немецких правящих кругов невыносимыми. Поэтому утверждение в 1869 году прибалтийского немецкого врача и писателя доктора Георга Юлиуса Шульца (1808–1875), творившего под псевдонимом доктор Бертрам, о том, что уже через пятьдесят лет в Дерптском университете будут работать преподаватели из числа эстонцев, можно рассматривать как исключение из правил. Однако оно оказалось пророческим и сбылось именно в те сроки, на которые он указал.

Успехи движения национального возрождения в Латвии проявились в создании новых культурных и сельскохозяйственных объединений, кредитных учреждений, газет и журналов. При этом особое значение приобрела основанная в 1863 году в Петербурге Кришьянисом Валдемарсом (1825–

1891) латышская газета «Петербургас авизес» («Петербургская газета»).

Подлинным центром эстонского национального движения стал Дорпат, где в 1864 году Йохан Вольдемар Яннсен (1819–1890) основал газету «Ээсти постимеэс» («Эстонский почтальон») и в 1865 году певческое общество «Ванемуйне»⁸. В результате Дорпат стал родиной эстонских музыкальных фестивалей, первый из которых был проведен здесь в 1869 году. Вскоре эти праздники вышли за рамки регионального значения в национальной политике, и поэтому справедливо можно сказать, что эстонцы добились своей свободы через пение.

При этом дополнительный импульс движению возрождения Эстонии придали контакты с имеющими общие племенные корни с эстонцами финнами по другую сторону Финского залива, в то время как латвийское национальное движение оказало влияние на южных соседей латышей – литовцев.

Особое положение прибалтийских губерний в составе Российской империи впервые оказалось под угрозой в 40-х годах XIX века, когда русская церковь при поддержке имперских властей в рамках так называемого «движения за обращение в православие» попыталась проникнуть в протестантские общины, особенно в районах проживания эстонцев. В результате, несмотря на определенные успехи про-

⁸ Ванемуйне – бог музыки в эстонской мифологии, персонаж эпоса «Калевипоэг». Его имя носит старейший театр Эстонии.

водимой русской церковью агитации, пытавшейся доказать экономическую выгоду нахождения в лоне православия, в ряде областей произошли местные крестьянские волнения.

Тем не менее в 60-х годах были предприняты попытки осуществления политики русификации прибалтийских народов, целью которой являлось приведение прибалтийских губерний в соответствие с внутренними районами империи в административном, языковом и образовательном отношении. Эта политика достигла апогея в 90-х годах и привела к изменению в Прибалтике национально-политической обстановки.

Однако под влиянием русификации заметная радикализация эстонских и латвийских национальных устремлений произошла уже в 70-х и 80-х годах. Именно политика русификации побудила некоторых лидеров эстонцев и латышей рассматривать прибалтийские немецкие правящие круги в качестве общего противника и видеть в русских националистах своих союзников. В частности, у латышей все более популярным рупором необходимости объединения с русскими националистами становился видный участник движения «младолатышей» Валдемар.

У эстонцев же заметной фигурой стал выдвинувшийся в лидеры радикального направления журналист Карл Роберт Якобсон (1841–1882), который с растущей страстью и остротой нападал на представителей местной немецкой администрации.

Опасность объединения с русским национализмом была осознана лишь позже, хотя и не повсеместно. И случилось это только тогда, когда давление политики русификации начало охватывать все новые и новые сферы общественной жизни, а введение русского языка в качестве языка обучения даже в народных школах открыло глаза на угрозу исчезновения национальной идентичности.

Наряду с аграрно-экономической и народно-политической эмансипацией возникла еще одна проблема, касавшаяся конституционных изменений в самоуправлении прибалтийских губерний, хотя эта реформа 1864 года и не затрагивала их особый автономный статус. Тем не менее среди рыцарства и немецкого городского бюргерства стало распространяться опасение относительно уравнивания их прав с остальными гражданами.

Этим не преминули воспользоваться либеральные круги, выдвинув идею включения представителей крестьянства в систему сословных учреждений дворянства в Прибалтике. В 1870 году она была частично реализована, но только в Лифляндии и лишь на самом низовом административном уровне, коснувшись исключительно положения о церковных приходах. Согласно введенным изменениям, представители дворянских поместий и крестьянских общин отныне должны были быть представлены в них на паритетных началах.

Значительные изменения в общественной структуре эстонцев и латышей отчетливо проявились на рубеже XX сто-

летия. Расширение сети железнодорожных линий и рост промышленного производства привели к все усиливающемуся стремлению населения, проживавшего в сельской местности, переселиться в города. К тому же постепенное ослабление требований обязательной принадлежности к какой-либо гильдии для городских ремесленников и введение свободы торговли в 1866 году привели к ликвидации прежних ограничений для эстонцев и латышей и стали отправной точкой для возникновения купеческого и предпринимательского среднего класса. Начало расти число эстонских и латвийских домовладельцев, ранее проживавших в основном в пригородах. В сельской же местности вместе с ростом потребностей повседневной жизни возросла и покупательная способность крестьянства, что привело к расширению рынка сбыта городской промышленной продукции.

Доля эстонцев и латышей в численности населения городов повышалась значительно быстрее, чем показатели абсолютных цифр прироста горожан. Так, в Ревеле в промежутке между 1871 и 1897 годами доля эстонского населения выросла с 51,8 процента до 88,7 процента (с 15 097 человек в 1871 году до 83 113 человек в 1913 году), в Дорпате – с 46,3 процента в 1867 году до 70,8 процента. В Риге же из общей численности городского населения в 1867 году в 102 590 человек латыши составляли 42 199 человек, в 1897 году из 255 879 человек соответственно 106 541 человек, а в 1913 году из 497 586 человек уже 209 839 человек.

90-е годы XIX столетия отмечались также значительной активизацией политических импульсов национального движения. Заметно приобрели вес и инициативы ведущих политических деятелей. В Дорпате после принятия на себя руководства газетой «Почталъон» молодым юристом Яаном Тыниссоном (1868–1941) она превратилась в подлинный рупор национальных устремлений. В Ревеле тоже под редакцией молодого юриста Константина Пятса (1874–1956) газета «Вестник» начиная с 1901 года также приобрела такое же значение. При этом в этих городах наиболее ярко проявилось стремление эстонцев к приобретению Эстонией экономической независимости. Однако в Ревеле акцент делался на неприятие немецких правящих кругов, а в Дорпате – на стремление к получению нормального образования.

В лице Я. Тыниссона и К. Пятса в истории эстонского народа появились выдающиеся личности, которые начиная с 90-х годов XIX века на протяжении полувека определяли его судьбу. Они оба являлись выходцами из крестьян южной части Эстонии – Я. Тыниссон был родом из окрестностей города Феллин (ныне Вильянди), а К. Пяте родился в округе Пернау (в настоящее время Пярну). Они оба изучали право в Дорпате, и оба стали пользоваться политическим влиянием, возглавив соответствующие редакции газет. Однако при этом Я. Тыниссон и К. Пяте отличались друг от друга как внешне, так и по характеру.

Я. Тыниссон был более интеллектуально гибок и эмоцио-

нален и являлся умелым оратором и спорщиком. А вот К. Пяте уже с ранних лет отличался рассудительностью, живостью ума и не лишенной упрямства целеустремленностью в работе. В некотором смысле они воспринимались как антиподы, и в более поздние времена газетная полемика между ними превратилась в оппозиционную политическую борьбу.

На рубеже веков новые веяния наблюдались также и в Латвии. В противовес основанному в 1868 году Рижскому латышскому обществу, вокруг которого группировались откровенные националисты, возникло так называемое «Новое течение» («Яуна страва»), где главенствовали социалистические идеи. Его органом была газета «Диенас лапа» («Ежедневный листок»), публиковавшая теоретические статьи о рабочем и социал-демократическом движении, о литературе и искусстве. Среди ведущих деятелей этого направления следует назвать прежде всего поэта и драматурга Яниса Пликшанса (1865–1929), творившего под псевдонимом Райнис, и его шурина юриста Петериса Стучку (1864–1932).

Подвергаясь преследованиям со стороны царской полиции, многие латышские радикалы бежали за границу и, обосновавшись в Лондоне и Цюрихе, создали там латышские организации. В частности, Микелис Валтерс (1874–1968) вместе с несколькими своими коллегами основал в Цюрихе в 1903 году Союз латвийских социал-демократов и занялся пропагандой необычной до той поры идеи отделения Латвии от России. В Германии же латышские социал-демократы

установили тесные контакты с вождями немецкого рабочего движения. С тех пор один из основателей Социал-демократической партии Германии Август Бебель начал высказывать большой интерес к проходившим в Прибалтике процессам и, в особенности, к прибалтийской социал-демократии.

При этом данные связи высоко ценились самими латвийскими социал-демократами. Именно этим и интенсивным погружением в немецкую духовную жизнь и можно объяснить тот факт, что уровень образования латышского рабочего движения был выше, чем у русского, если не считать его лидеров.

С учетом экономических реалий теперь появились предпосылки и для того, чтобы начать борьбу за представительство в местных органах власти. Первый успех совместных действий эстонцев и латышей по данному направлению был достигнут в 1901 году в городе Валк (ныне Валка), находившемся в центре Лифляндии на этнографической границе между двумя этими народами. В 1904 году эстонцы после ожесточенной избирательной кампании на выборах в городское собрание Ревеля также получили большинство. Это был первый прибалтийский большой город, управление которым оказалось в руках представителей исконного народа Прибалтики. Кроме того, эстонцы получили большинство и в более мелких городах – Везенберге (Реквере) и Верро (Выру).

В Риге, превратившейся благодаря усилиям городского главы Джорджа Армитстеда, занимавшего этот пост в 1901–

1912 годах, в современный крупный город, немцы даже в 1913 году продолжали сохранять большинство мест (51 из 80) в городской думе. А вот в Вольмаре (Валмиере), Тукумсе, Кандау (Кандаве) и Вендене (Цесисе) большинство в промежутке между 1897 и 1906 годами удалось завоевать латышам.

Русская революция 1905 года, наряду с противостоянием радикальных и конституционно-либеральных тенденций, имела и свою национально-революционную сторону, которая особенно ярко проявилась в прибалтийских губерниях.

Связанная с решением рабочего вопроса социальная напряженность, царившая на территории всей империи, привела к забастовкам в промышленных центрах Прибалтики уже в конце 90-х годов XIX века. При этом концентрация в них различных социалистических организаций способствовала радикализации латышского и эстонского национально-го движения. Так, во время своего визита в Ригу в 1901 году В.И. Ленин установил непосредственные контакты с латышскими социал-демократами, а в 1904 году различные так называемые «местные комитеты» присоединились к Латвийской социал-демократической рабочей партии. В том же году эта партия установила деловое сотрудничество с Всеобщим еврейским рабочим союзом Бунд.

В 1906 году Латвийская социал-демократическая рабочая партия была переименована в Социал-демократию Латышского края и в качестве региональной организации присо-

единена к РСДРП, оказавшись в полной мере вовлеченной в противостояние двух ветвей внутри российской социал-демократии. При этом в ближайшие годы число организованных латвийских социал-демократов превысило численность сторонников В.И. Ленина в российской социал-демократии, расколовшейся в 1903 году. Однако если Петерис Стучка присоединился к ленинским большевикам, то Янис Плиекшанс, Маргерс Скуениекс, Паулс Калныныш и Феликс Циленс примкнули к меньшевикам.

В Эстонии настоящим центром социалистической агитации стал Ревель. Причем активное участие в этом принимал трудившийся там в 1901–1904 годах в качестве рабочего на металлургическом заводе «Вольта» М.И. Калинин – будущий председатель Верховного Совета и, следовательно, глава Советского Союза.

Сразу после начала революции в 1905 году на съезде в Дорпате из общероссийского рабочего движения выделилась самостоятельная Эстонская социал-демократическая партия. Ее печатным органом стала газета «Новости», которую возглавил Питер Спик.

Следует также отметить, что как в эстонской, так и в латвийской социал-демократии национальные, а в отношении всей Российской империи федеративные, идеи сталкивались с принципами интернационализма. В частности, среди латвийской социал-демократии благодаря усилиям Микелиса Валтерса давно пользовалась популярностью идея нацио-

нальной автономии австромарксизма. Тем не менее конкретные представления о преобразовании Российской империи и будущего в ней положения Прибалтики так и остались невыработанными. При этом, если не считать практически оставшегося без внимания проекта Петериса Залиты, необходимость национальной автономии в рамках какой бы то ни было российской федерации отстаивалась эстонскими национальными кругами по сравнению с их южными соседями более активно.

Основанная Яаном Тыниссоном (1868–1941) и его соратниками в Дорпате Эстонская национальная прогрессивная партия способствовала политической консолидации в Эстонии национально-либеральных гражданских сил. Стали выдвигаться требования административного объединения Эстонии с населенной эстонцами Северной Лифляндией, расширения местного самоуправления и отмены помещичьих привилегий, особенно охотничьих, более справедливого распределения между крестьянами и помещиками общественно-правовых нагрузок, таких как строительство дорог, установления твердой арендной платы, выделения земли безземельным, улучшения условий труда промышленных рабочих, а также преподавания на родном языке во всех учебных заведениях без исключения.

Непосредственно же революционные беспорядки начали охватывать города в начале 1905 года. Причем толчком к ним послужило известие о так называемом Кровавом вос-

кресенье в Петербурге, во время которого впервые были произведены выстрелы по мирным демонстрантам.

В результате в прибалтийских городах тоже произошли кровопролитные стычки с полицией, нападения на тюрьмы, поджоги и иные беспорядки. При этом стачки набирали силу до октября 1905 года, когда всеобщая российская забастовка охватила и прибалтийские губернии. Собрание же революционных активистов, заседавших в октябре в актовом зале Дерптского университета и вывесивших из окон несколько красных флагов, вообще выдвинуло весьма радикальные требования, такие как создание демократической республики на территории всей России и раздел крупной земельной собственности.

Из городов революционные действия распространились и на сельскую местность. Ведь тлевшее до той поры недовольство у сельскохозяйственных рабочих и безземельных крестьян создало предпосылки для нападений как на немецкие помещичьи усадьбы, так и на латышские и эстонские крестьянские дворы. Стали формироваться партизанские отряды, прибегавшие к методам революционного самосуда. Причем их поступки отличить от преступных действий было невозможно. В Курляндии же в захваченном окрестными крестьянами городе Туккум (Тукумс) в начале декабря 1905 года вообще отмечались настоящие боевые столкновения с русскими военными. Всего в прибалтийских губерниях было сожжено дотла 184 помещичьих усадьбы и убито 82

немца. При этом отличительной чертой революционных актов насилия являлось особо враждебное отношение к церкви, стойившее жизни многим священнослужителям.

Проводились также массовые собрания сельских учителей и представителей крестьянских общин, которые, не отождествляя себя с этими актами насилия, выступали в качестве выразителей интересов местного населения. Они принимали резолюции с национально-культурными и административными требованиями, свидетельствовавшими о возросшей зрелости политического мышления прибалтийцев.

Революционные выступления в прибалтийских губерниях подавлялись с особой жестокостью. Карательные экспедиции беспощадно расправлялись с зачинщиками беспорядков и подозреваемыми в их организации, передавая их в руки трибуналов, в которых принимали участие и офицеры из числа прибалтийских немцев. В результате во всех трех прибалтийских провинциях в общей сложности было казнено 908 человек, а за решеткой оказалась не одна сотня людей. Несколько тысяч прибалтийцев сослали в Сибирь. При этом число сожженных крестьянских дворов в результате действий карательных экспедиций намного превысило количество ранее преданных огню поместий.

Преобразование царского самодержавия в конституционную монархию с Государственной думой в качестве народного представительства предоставило возможность участия

в работе законодательных органов власти и прибалтийским политикам. В частности, в составе думы I и II созывов действовало по пять латышских и эстонских представителей. Однако после изменений избирательного законодательства в 1907 году число нерусских депутатов уменьшилось. Тем не менее в работе Государственной думы III созыва принимали участие четыре латыша и два эстонца, а IV созыва – два латыша и два эстонца. Причем среди этих депутатов Государственной думы II и III созывов были и члены социал-демократических партий.

Участие в работе Думы дало возможность установления контактов с депутатами других национальностей, в том числе с семью литовскими депутатами Государственной думы I и II созывов и четырьмя литовскими депутатами Государственной думы III и IV созывов. При этом работа в Думе являлась хорошей подготовительной школой приобретения опыта парламентской деятельности, позволившей позднее появиться целой плеяде политиков уже независимых государств. В Латвии это были Янис Чаксте, Янис Залитис, Янис Голдманис и Андрей Предкальн, а в Эстонии – Яан Тыниссон, Яан Раамот и Карл Парте.

Параду с представителями коренных прибалтийских народов в работе Государственной думы Российской империи активное участие приняли и депутаты из числа остзейских немцев, такие как член партии октябристов⁹ барон Алек-

⁹ Имеется в виду «Союз 17 октября» (октябристы) – умеренно правая поли-

сандр фон Мейендорф, несколько лет являвшийся товарищем председателя (вице-президентом) Государственной думы.

К важнейшим завоеваниям революции 1905 года для прибалтийских губерний следует прежде всего отнести послабления относительно преподавания на родном языке. В частности, постановление от 1906 года позволило основать частные школы, где предметы изучались уже на родном языке. В том же году в Дорпате была основана женская гимназия – первое эстонское высшее учебное заведение для девушек.

Благодаря созданию литературных обществ, издательств, объединений литераторов, музеев народного творчества и народных театров наблюдался также заметный подъем национальной культуры. Возросла и инициативность латышей и эстонцев в экономической области, что способствовало развитию торговли, кооперации и предпринимательства. При этом дальнейшее расширение кооперации означало не только экономическую помощь эстонским и латвийским предпринимателям и ремесленникам, но и способствовало укреплению национального самосознания.

Однако уже очень скоро вновь поднял голову русский национализм с его требованиями русификации. Именно к это-

тическая партия крупных землевладельцев, предпринимательских кругов и чиновников Российской империи, существовавшая в 1905–1917 гг. Партия представляла правое крыло русского либерализма, придерживавшегося умеренно-конституционных и антиреволюционных взглядов. Название партии восходит к Манифесту, изданному Николаем II 17 (30) октября 1905 г.

му времени, то есть непосредственно перед началом Первой мировой войны, относятся разговоры среди населения Прибалтики об опасности систематической денационализации прибалтийских народов. Тем не менее политическая активность эстонцев, латышей и литовцев сильно повлияла на многих прибалтийских ведущих деятелей. Не случайно после революции 1905 года многие из них были вынуждены эмигрировать. Так, из числа известных латышских политиков Карлис Улманис (1877–1942) уехал в США, а Маргерс Скуениекс (1886–1941) – в Англию. Приговоренному же к смертной казни эстонскому журналисту Константину Пятсу удалось бежать в Швейцарию.

Что же касается прибалтийской немецкой правящей прослойки, то революция 1905 года привела к росту оппозиционных по отношению к ней настроений среди местного населения. При этом остзейское немецкое бюргерство и поместное дворянство, а еще более представители профессий, занятых на преподавательских и исследовательских должностях в сфере высшего образования, так называемые литераторы, благодаря возросшему национальному самосознанию начали ставить под сомнение не только существующие сословные барьеры, но и воспринимавшееся ранее как нечто само собой разумеющееся чувство привязанности к родине и солидарности с местным населением. Этот сдвиг в их сознании привел, в частности, к ускорению создания немецких крестьянских поселений в Курляндии и Лифляндии, что не

могло не вызвать возмущение у коренных народов, особенно у латышей.

Тем не менее хватало и попыток достичь баланса взаимных интересов. Так, например, после революции 1905 года эстляндский губернский предводитель дворянства барон Эдуард фон Деллингсгаузен вновь поднял вопрос о реформе самоуправления и на совещании с привлечением эстонских и латвийских делегатов, на котором обсуждались проблемы всех трех остзейских провинций, предложил формировать органы власти на уездном уровне из представителей немецких крупных и эстонско-латвийских мелких землевладельцев на паритетных началах.

Однако российское правительство отказалось одобрить этот проект, хотя он и представлял собой очень важный шаг на пути к совместному участию в управлении страной эстонского и латвийского народов. Тем не менее в 1906 году лифляндское дворянское сословие отменило право помещичьего попечительства¹⁰, которое являлось камнем преткновения

¹⁰ Право помещичьего попечительства было предусмотрено «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 г. Согласно этому документу, помещику предоставлялась вотчинная полиция и попечительство над крестьянами, водворенными на его земле, до прекращения обязательных к нему отношений. Однако при этом существовали региональные различия. К тому же Юго-Западная Литва, Сувальская область в 1795 г. перешла не к России, а к Пруссии, так как в 1807 г. она была вынуждена уступить Варшавское герцогство. Но и здесь Кодекс Наполеона оказал влияние на аграрное право. Крестьяне получили личную свободу и свободу передвижения, хотя и не были освобождены от фронтовой службы. Им предоставлялось право присутствовать при следстви-

для эстонских и латышских сельских общин.

Однако все эти меры и попытки решения назревших проблем могли возыметь должный эффект только в том случае, если бы они были бы предприняты раньше. Но тогда время для столь медленной эволюции безвозвратно ушло в прошлое. К тому же с исторической точки зрения приписывание устремлений по осуществлению полной демократизации еще полностью аристократического по своей сути земельного законодательства сознанию тогдашних немецких правящих кругов в Прибалтике было бы ошибочным.

Тем не менее, хотя и подавленная, революция 1905 года сделала еще более, чем когда-либо прежде, жгучим стремление широких масс прибалтийских народов к совместной ответственности. Однако начавшаяся Первая мировая война свела на нет все подобные усилия и полностью изменила существовавшие ранее отношения между ними.

В Литве процесс эмансипации литовского народа, по сути, проходил аналогичные этапы. Однако отдельные элементы общественных, политических и религиозных структур заметно отличались от имевшихся в других прибалтийских провинциях. Поэтому прямые параллели можно провести лишь крупными штрихами.

Аграрно-социальная эмансипация проходила в Литве не так, как в иных прибалтийских землях, а по российскому

ях, производимых над крестьянами по делам о проступках и преступлениях, а также получать по этим делам справки в уездных и губернских учреждениях.

образцу. Освобождение крестьян в ней произошло только в 1861 году и вначале не привело к ликвидации экономического господства крупных землевладельцев и не устранило различные путы, привязывавшие крестьян к помещикам, тогда как к тому времени в других прибалтийских губерниях аграрные реформы достигли уже второй ступени своего развития.

К тому же имелись и серьезные региональные отличия. Дело заключалось в том, что юго-западная часть Литвы, то есть Сувалкская область, отошла в 1795 году не к России, а к Пруссии¹¹ и в 1807 году была включена в состав находившегося под протекторатом Франции Варшавского герцогства. Поэтому здесь действовал так называемый Кодекс Наполеона, затронувший и аграрное право. По нему крестьяне получили личную свободу и свободу передвижения, но от барщины освобождены не были.

В первые преисполненные радужных надежд годы либерального правления занявшего трон в 1855 году российского императора Александра II в исходивших из университета в Вильно (Вильнюсе) идеях, связанных со стремлением отменить крепостное право для всех литовских крестьян, недостатка не было. Однако до многих из них очередь так и не дошла, так как власти устраивало то преимущество, которым

¹¹ После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. Сувалкская область вместе с Познанью отошла к Пруссии, и только в результате Венского конгресса 1815 г. она была присоединена к России.

Сувалкская область обладала отчасти благодаря лучшей плодородной почве. Видимо, не случайно и то, что очень многие лидеры литовского национального движения являлись выходцами именно из этой части Литвы.

Однако подлинное национальное пробуждение литовского народа началось не здесь. Для этого требовалось наличие образовательного центра, который находился не там, а в Вильно. Именно основанный Александром I университет и стал центром зарождения и кузницей кадров так называемого литовского национального пробуждения. Как отметил историк из числа прибалтийских немцев Манфред Хеллман, после этого выросшие из духа эпохи Просвещения усилия по поднятию общего народного образования под влиянием Гердера¹² и романтизма¹³ стали сочетаться с новым открытием духовных ценностей в народном искусстве и презиравшем до того времени языке крестьян. При этом целью литовского национального пробуждения являлась попытка заинтересовать этими устремлениями в основном ополеченное в XVII и XVIII веках мелкое дворянство Центральной Литвы и тем самым вернуть его к национальным истокам.

Огромную роль в этом процессе играло католическое духовенство, которое, начиная от епископов в Вильно и за-

¹² Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803) – немецкий мыслитель, богослов и историк культуры. Один из ведущих деятелей позднего Просвещения.

¹³ Романтизм – зародившееся в Германии идейное и художественное направление в европейской и американской культуре конца XVIII – первой половины XIX в.

канчивая сельскими священниками в отдаленных общинах, посвятило себя изучению литовского языка и развитию народного образования. При этом для изучения и продвижения литовского языка большое значение имели инициативы, рождавшиеся в восточной части Восточной Пруссии, среди которых особо важная роль принадлежала идеям, выдвигаемым, например, основанным в 1879 году в Тильзите (ныне город Советск) Литовским литературным обществом.

С тех пор незаконно ввезенная через германо-российскую границу печатная продукция начала приобретать для национального пробуждения литовцев все большее значение, а так называемые «книгоноши», которые ее переправляли, стали превращаться в легендарные фигуры этого движения.

После подавления охватившего и Литву польского восстания 1830–1831 годов политика русского правительства в отношении литовского населения пошла в двух направлениях. С одной стороны, оно стало противопоставлять литовцев полякам, что не могло не вести к росту социальной напряженности. Ведь польские повстанцы, экспроприировав помещичьи земли, поделили их между литовскими крестьянами. С другой стороны, усилились стремления к русификации. При этом если в других прибалтийских провинциях Русская церковь выступала в основном против протестантов, то в Литве – против католиков.

Литва была вовлечена также в польское восстание 1863 года. Причем революционные тенденции в ней охвати-

ли крестьянские слои гораздо сильнее, чем в Польше. Поэтому и репрессии русского генерал-губернатора графа М.Н. Муравьева (1796–1866) были в Литве особенно жесткими, отбросив литовское движение за освобождение на десятки лет назад.

К запрету печатных изданий на литовском языке, русификации школьного образования в сельской местности, особенно в Виленской губернии, и репрессиям против представителей католической церкви добавились также и меры политико-поселенческого характера – бывшие домены прибалтийской знати и экспроприированные земли передавались в собственность русских колонистов. При этом бросалось в глаза, что в их распределении важную роль играли стратегические соображения.

Следствием же такого давления стал рост эмиграции, особенно в Соединенные Штаты, достигнув своего пика после 1884 года. Перед началом Первой мировой войны за океаном, в основном в США и Канаде, находилась уже треть литовского народа.

Однако это давление имело и более важные последствия. Как ответ на вызов проводившейся в Литве русификации в конце XIX и в начале XX века там начал наблюдаться мощный подъем национального движения. После 1863 года возли семена так называемого «литуанского» движения раннего периода. При этом важность роли в нем литовского католического духовенства трудно переоценить. В частности,

одним из главных инициаторов борьбы за повышение уровня образования литовского народа, а также организации саботажа мер по русификации являлся Ковенский (Каунасский) епископ Мотеюс Валанчюс (1801–1875). Не случайно духовные семинарии стали не только очагами сохранения литовского языка, но и центрами сопротивления политике русификации.

В результате наряду с экономическим подъемом литовских крестьянских хозяйств отчетливо проявилась и растущая тяга самих крестьян к образованию. Причем этой тяге средние школы начали соответствовать благодаря организованной с помощью церкви подготовке учителей в специальных учебных заведениях. В итоге пробуждение национального самосознания, соответствуя крестьянскому происхождению литовского среднего класса и образованного слоя населения, происходило неспешно, но неуклонно.

Одновременно наряду с противостоянием российскому давлению наблюдалось и освобождение от духовных уз польского прошлого. А это среди прочего означало также начало процесса отказа от польского языка как разговорного в пользу литовского, что имело решающее значение для осознания себя литовцами в качестве самостоятельного народа. При этом знакомство в Москве в молодые студенческие годы одного из лидеров литовского национального движения Йонаса Басанавичюса (1851–1927) с рядом будущих видных латышских политических деятелей дает повод задуматься над

возможностью их взаимного влияния друг на друга. Ведь при всех различиях, имевшихся у их народов, их объединяло неприятие русификации как с национальной, так и конфессиональной точки зрения. Имелись также и аналогии в процессе социального и культурного освобождения литовцев и латышей от исторического наследия польского и немецкого господства.

К тому же польско-литовское восстание 1863 года не могло не найти своего отражения в Латвии и Эстонии, вылившись в известные крестьянские волнения. При этом национальное самосознание, направленное не только против царских властей, но и, возможно, против немецкой правящей прослойки, несомненно, пробудилось раньше на севере. Поэтому упомянутое выше знакомство Й. Басанавичюса, побудившее его вместе с однокурсниками по примеру латышей пользоваться с тех пор литовским языком, является весьма примечательным.

В отличие от эстонцев и латышей национальное пробуждение литовцев могло опереться на свой богатый исторический опыт, которого первым не хватало. Ведь литовцы на подсознательном уровне хранили в памяти все те завоевания, какие имелись у Литовского государства в XIII–XVI веках. К тому же у них сохранились и воспоминания о постоянных литовско-латвийских связях и о том, что эстонско-литовские контакты являлись редким исключением.

Основанный в 1883 году Й. Басанавичюсом и выпус-

кавшийся в Тильзите общественно-политический и литературный журнал «Аушра» («Заря») являлся первым национальным литовским изданием и внес заметный вклад в культурное развитие литовского народа, борясь одновременно с польскими тенденциями в народном образовании. Однако со стороны духовенства этим светским, внецерковным устремлениям противостояло основанное в 1890 году «Жмойтское и литовское обозрение», в котором порой даже выдвигалась идея «свободного литовского отечества», правда, без какой-либо конкретизации. К тому же энциклика папы римского Льва XIII от 15 мая 1891 года *Regum Novarum* призвала католическую церковь в Литве бороться с проявлениями современного мира, в том числе и с литовским национализмом. Ведь при всей открытости по отношению к языку клерикальные круги в целом отвергали политическую независимость Литвы, равно как и самобытность ее фольклора, и саму историю литовского народа, придавая особое значение религиозной общности с поляками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.